

ОТ ЗЕМНОЙ ЛЮБВИ К ЛЮБВИ НЕБЕСНОЙ (ПО РОМАНУ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»)

From Earthly Love to Heavenly Love
(by E. Vodolazkin's Novel "Laurus")

Снежана Владимировна Крылова
sv.krylova@mgou.ru

Московский государственный областной университет
(Московская область, Россия)

Snezhana V. Krylova
sv.krylova@mgou.ru
Moscow State Regional University
(Moscow Region, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 31.03.2022

Fecha de evaluación: 23.11.2022

Cuadernos de Rusística Española n° 18 (2022), 87 - 96

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется любовная линия знаменитого романа Е. Водолазкина «Лавр». «Лавр» — не только роман о феномене христианской святости, это еще и проникновенное повествование о чуде любви, которая прошла испытание смертью, временем, утратами, искушениями. От замешанного на эросе земного чувства герой приходит к высшей степени любви — любви духовной, небесной. На уровне текста и сюжета это отражено за счет спиральных смысловых усилений, расширяющих восприятие повторяющихся образов, поступков, обстоятельств. Путь Лавра к святости от начала до конца подчинен одной цели — спасению душ любимой и их нерожденного сына. Жизнь, прожитая как искупление, преображает героя, а его любовь к погибшей Устине творит добро, побеждает разлуку и смерть, ведет Лавра в небесные обители. В финале статьи сделаны выводы об уникальности нравственного вектора, заданного Водолазкинским в современной русской литературе.

Ключевые слова: духовный механизм, преображение, нравственный камертон, спиральные смысловые усиления.

ABSTRACT

The article analyzes the love line of the famous novel by E. Vodolazkin "Laurus". "Laurus" is not only a novel about the phenomenon of Christian holiness, it is also a heartfelt story about the miracle of love, which has passed the test of death, time, loss, and temptations. From the earthly feeling implicated in eros, the hero comes to the highest degree of love — spiritual, heavenly love. At the level of text and plot, this is reflected through spiral semantic amplifications that expand the perception of repetitive images, actions, and circumstances. The path of Laurus to holiness from beginning to end is subordinated to one goal — the salvation of the souls of his beloved and their unborn son. Life, lived as atonement, transforms the hero, and his love for the deceased Ustina does good, conquers separation and death, leads Laurus to heavenly abodes. At the end of the article, conclusions are drawn about the uniqueness of the moral vector set by Vodolazkin in modern Russian literature.

Keywords: spiritual mechanism, transfiguration, moral tuning fork, spiral semantic amplifications.

ВВЕДЕНИЕ

Сердце человека всегда тоскует по подлинной любви. Это очевидно для любого времени, но в начале XXI века эта потребность особенно ощутима. Книги и медиапространство перенасыщены историями про краткосрочные связи, страстную любовь, которая внезапно начинается и так же внезапно заканчивается. Полноценные семьи стали редкостью, институт семьи, феномен верности рушатся на наших глазах. Тем томительнее тоска по второй половинке, по тому, что задумано Творцом, что воспето поэтами, но утрачено современным человеком.

Цель исследования — на основе текста романа «Лавр» проанализировать лейтмотив любви, проявляющийся в сюжете, речи главного героя, авторском нарративе, повторах и спиральных смысловых усилениях.

Актуальность исследования заключается в обращении к стержневой теме творчества Водолазкина — теме любви и верности, претерпевающих испытание временем, грехом, искушениями. Автор задумал и написал своего «Лавра», интуитивно исходя из духовных вызовов периода распада. Когда отрицание верности и любви становится повсеместным, в обществе парадоксально включаются механизмы противостояния. «Лавр» — один из таких духовных механизмов.

Научная новизна. В критике и литературоведении принято чаще всего исследовать нравственное содержание данной книги в рамках триады «грех – покаяние – искупление» (Герасимова 2016; Нургалева 2017; Воробьева 2020; Логутенкова 2021 и др.). Не отменяя этой парадигмы, мы попробуем сделать акцент на ее причинах: дать анализ тем элементам текста, которые так или иначе отражают путь духовного преображения любви земной в любовь небесную.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роман «Лавр» — это не просто история покаяния и пути к святости. Это уникальная история любви, пронесенной через всю жизнь. Не было бы этой любви, смерти возлюбленной — не было бы и святого старца.

Водолазкин рисует духовно здоровое средневековое общество, в котором люди, несмотря на общечеловеческую греховность, хранят закон Христов, помнят Бога, боятся возмездия. Действительно, «в романе с первых строк ощущается атмосфера божественности бытия, свойственная Средневековью в целом и во многом предопределяющая дальнейший ход событий» (Логутенкова 2021: 242). Юный Арсений поражает чуткостью и цельностью своей натуры. Он умеет сопереживать горю, сострадать чужой боли, умеет любить родителей и деда, наблюдателен и поэтичен одновременно. Мальчик здоров, и в свое время мужская плоть начинает напоминать о себе. Автор пишет об этом очень целомудренно: «Арсений знал, какого цвета семя, но Христофору этого не сказал. Он говорил об этом на исповеди старцу Никандру» (Водолазкин 2021: 38). Грех рукоблудия, совершенного на кладбище, исповедан духовнику, который смог вывести исповедь на философский уровень, прочертив прямую от грехопадения Адама к открытию своей смертности через потерю невинности. Старец призвал отрока к сокрушению о грехах и

молитве. Он учит духовное чадо не бояться смерти, воспринимать ее не только как «горечь расставания», но и как «радость освобождения» (Водолазкин 2021: 38-39). Так уже в самом начале в романе задан лейтмотив смерти, сопряженный с земной плотью.

Текст романа содержит своеобразные смысловые повторы, но не буквальные. При каждом повторении заданная тема или образ обрастают дополнительными обертонами. Задолго до появления идеи старца Иннокентия о времени-спирали в романной плоти возникают *спиральные смысловые усиления*, позволяющие увидеть и оценить поступок, чувство или событие на ином уровне. Особенно это ощутимо в центральной теме произведения — теме любви.

«Горечь расставания» юному Арсению принесла смерть Христофора. Герой обнаружил, что именно дед делал его жизнь наполненной и осмысленной. На опустевшее место родной души должен был прийти кто-то другой. Подросток Арсений изучает Христофоровы грамоты. Помимо врачебных и религиозных текстов, он находит житейские и философские изречения, связанные с Соломоновыми притчами, с предостережениями о сварливой жене, о непредсказуемости «пути мужа в юности его» (Водолазкин 2021: 66), которые не дано понять человеку. «Путь мужа в юности его» в случае Арсения — это прекрасная и трагическая история его любви к Устине.

Началась она с сострадания голодной нищенке, которая осознавала свое изгойство и не посмела просить ничего, кроме еды, предполагая в юноше страх перед мором. Смерть и любовь в этой истории изначально стоят рядом. Вера в промысел не отменяет эротического влечения, которое почувствовал юноша от запаха грязного тела Устины. Двое одиноких молодых людей, оказавшихся под одной крышей, не могли не сблизиться. Целомудренный Арсений трепетно ощущает этапы этого сближения: девушка переступила порог его дома, смывает с себя грязь долгого пути в налитой им кадушке, а затем вынужденно надевает его одежду, тем самым будто соединяясь с ним телесно.

Автор наблюдает за юными героями. Главная черта их сближения — цельность, нерастраченность чувств. Отсюда и стремительность, с которыми эти чувства растут: невольная «нахлынувшая нежность» (Водолазкин 2021: 69) во взгляде, застенчивость и страстное сострадание.

Врач и мужчина сосуществуют в личности Арсения. Он лечит язвы на теле девушки и одновременно вдыхает «аромат ее кожи» (Водолазкин 2021: 70). Он сжигает ее лохмотья и одновременно ощущает в этом «знак бесповоротности», «как в какой-то сказке» (Водолазкин 2021: 70). Юношу волнует, что его рубаху Устина теперь будет носить постоянно. Отношения молодых людей полны робости и стыдливости: «Он дал Устине хлеба с квасом и ощутил на руке прикосновение ее губ» (Водолазкин 2021: 70). Поцелуй в знак благодарности смутил юношу и глубоко взволновал. Душевный трепет сквозит в каждом движении героя, впервые столкнувшегося с чудом рождения земной любви.

Высыхающие чистые волосы на непокрытой голове Устины тоже становятся для Арсения знаком близости. В сознании его звучат слова из Песни песней Соломона — шедевра древней любовной лирики: «Власи твои, яко стада коз, яже въздоша от Галаада» (Водолазкин 2021: 72).

Безусловно, встреча двух молодых людей совершилась в самый трагический момент их жизни: Устине грозила голодная смерть, Арсений испытывал горькое одиночество и тоску по умершему деду. Но, вероятно, было в их характерах и некое психологическое совпадение. Неслучайно свело их Провидение: в обществе друг друга они не ощущают неловкости, ведут себя естественно и свободно. Все, что раньше принадлежало Арсению с дедом, медленно и неотвратимо заполняет образ девушки. Совместная трапеза становится еще одним интимным актом сближения, переживаемым героем эротически.

Земное и возвышенное тесно переплетены в чувствах Арсения. Герой любит заснувшей девушкой, нежно изучает каждую черту ее облика, вдыхает ее запах, а в душе звучат возвышенные стихи Песни песней: «Яко вервь червлена, устне твои» (Водолазкин 2021: 73). Ужас пережитой смерти, взаимное одиночество, тоска по родной душе и молодость делают свое дело. Плотское соединение молодых людей передано с чрезвычайным тактом, как событие вневременное: «Он потерял счет времени. Он дрожал мелкой дрожью, хотя был весь в поту. И его пот смешался с ее потом. А затем его плоть вошла в ее плоть. Наутро же они увидели, что холстина стала алой» (Водолазкин 2021: 74).

Короткое счастье Арсения и Устины изображено в поле двух главных чувств — «любви и страха» (Водолазкин 2021: 74). Всепоглощающее чувство юноши мощно, насыщено, поэтично. Любовь становится сладостной ношей, светом, предметом непрерывной заботы и защиты от мрака и опасности мира. Родство душ влюбленных проявилось в том, что они не хотят выходить к людям. Им вполне хватает собственного земного рая. А.А. Шайкин, признавая силу чувств героев, считает их любовь эгоистичной: «...они отсекают себя не только от мира людей, но и от Бога. Они признают только друг друга. Такая изоляция — род гордыни, даже если они сами этого не осознают, а гордыня, как известно, смертный грех» (Шайкин 2020: 113).

Естественная беременность Устины ставит вопрос о законности их союза, но молодой супруг отодвигает момент покаяния и выхода к миру и церкви. Именно он отвечает отказом на желание Устины причаститься перед родами. Именно он берет на себя ответственность принимать роды, хотя опыта такого не имел. Именно он становится главным судьей себе, когда любимая и сын умирают. Отчаяние и помутившийся разум не позволяют Арсению предать их земле. От голодной смерти рядом с трупами его спасают слобожане, от духовной — старец Никандр. Он внушает юноше, что отныне часть Устины будет жить в нем, что жажда смерти не приведет Арсения к встрече с любимой, что эту встречу надо заслужить. Старец переводит поле земной грешной любви в новый вектор — любви небесной: «У тебя трудный путь, *ведь история твоей любви только начинается*. Теперь, Арсение, все будет зависеть от силы твоей любви. И, конечно же, от силы твоей молитвы» (курсив наш — С.К.; Водолазкин 2021: 113).

Слова старца Никандра — духовное завершение «Книги познания» — то, что мы назвали спиральным смысловым усилением. Арсений познал азы врачевания, книжную премудрость, сладость земной взаимной любви, познал женщину, познал горе и отчаяние после ее смерти и свет надежды, который идет от духовно крепкого человека, находящегося на пороге смерти. «Книга отречения», таким образом, —

это первая фаза любви небесной, к которой теперь идет герой. Дар исцеления отныне будет направлен не только на спасение людей, но и на спасение любимой. А молитва к Богу неразрывно связана с его обращением к Устине. Любовь небесная начинается с покаяния. Невольный грех, убивший любимую, Арсений искупает служением целителя. Молитва Арсения остается сокровенной, зато его робкие обращения к возлюбленной мы будем изредка слышать. Так, входя в страдающее от мора село Великое, герой ищет поддержки у усопшей, впервые после ее смерти обращаясь к ней: «Но Устина молчала» (Водолазкин 2021: 120).

Молчание Устины будет сопровождать героя до конца дней, но интенсивность его обращений к ней почти не меняется. Он говорит с ней, когда собирается лечить людей, когда рискует здоровьем и жизнью, когда вдруг видит собственное неузнаваемое отражение в зеркале. Каждый раз это обращение фиксирует некий важный этап в его жизни, движение героя по спирали времени и любви.

Лишь один раз он на некоторое время прекратит свое общение — когда в Белозерске переживет возможность семейного счастья. Исцеленная им вдова Ксения могла бы стать его женой, а спасенный сын Ксении Сильвестр уже любил его, как отца, и всячески способствовал сближению Арсения и матери. Но герой пережил этот вариант судьбы как искушение. Эта часть недаром названа «Книгой отречения». Отрекшись от себя, молодой Арсений отрывается и от мирского. «Я, Сильвестре, за нее всюду отвечаю» (Водолазкин 2021: 145), — говорит он мальчику про покойную Устину, а у любимой вновь просит прощения за то, что не разговаривал с ней несколько месяцев. Он ставит вопрос максимально остро: «Я единственный, с кем ты еще соединена на этой земле, и мною ты как бы продолжаешь жить» (Водолазкин 2021: 155).

Отзывчивость и сострадание Арсения в соединении с его даром врачевания, ясновидения и молодостью неизбежно вели б его к подобным искушениям. Герой бежит от своей славы, бежит к новым испытаниям, которые неоднократно ставят его на порог смерти. Каждое такое событие он сопровождает обращением к любимой. После расправы разбойника Жилы со своим поделщиком и Арсением он говорит Устине о том, что «спасен ради одной лишь тебя, но он, как и ты, на моей совести. <...>. Не хочу отныне говорить ни с кем, кроме тебя, любовь моя» (Водолазкин 2021: 162).

Отречение Арсения продолжается через преодоление забот о собственном теле. Голод, холод, вши — его сознательный выбор. И лишь красота реки при переправе через Великую меняет ход его разговоров с Устиной: «...своим убожеством я рад подчеркнуть ее величие, ведь подобным образом я как бы участвую в ее творении» (Водолазкин 2021: 176).

Трагедия пережитой потери со временем уходит в прошлое, а духовный диалог с возлюбленной крепнет с каждым пережитым Арсением страданием или радостью. Устина — соучастница его горестей. Как справедливо пишет вологодская исследовательница, «женщина, которую он любил и продолжает любить (уже ее душу, т. к. тело мертво), является его моральной опорой» (Котова 2017: 236). После того как герой был до полусмерти избит калачником Прохором, он не желает наказания обидчику и вновь делится этим с молчаливой женой: «Я просто о нем молился, сказал Арсений Устине. <...> Молись о нем и ты, любовь моя» (Водолазкин

2021: 193). Это новый шаг в его любви. Раньше он не просил ее молить, а теперь ощутил их возможность.

Полная сознательной аскезы жизнь в Пскове вновь сопровождается несколькими обращениями к Устине. Пик испытаний — страшная холодная ночь, когда от едва живого, «грязного и посиневшего тела» избитого Арсения ушли даже псы, с которыми он ночевал. Но именно после пережитого физического умирания и явления ему ангела герой начинает по-иному ощущать время и делится этим с любимой: «Тут выяснилось, что события не всегда протекают во времени, <...>. Порой они протекают сами по себе. Вынутые из времени. Тебе-то, любовь моя, это хорошо известно, а я вот сталкиваюсь с этим впервые» (Водолазкин 2021: 205). По верному замечанию К.А. Жульковой, Водолазкин «стремится раскрыть путь героя не в движении исторического времени, а в прохождении человеком главнейших этапов его существования» (Жулькова 2018: 193). И фиксирует герой эти этапы через обращение к возлюбленной.

Помимо дара целительства Арсений постепенно приобретает и другие духовные богатства. Одно из них — смирение. Монахини Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря давно считают его святым, а он всякий раз отрекается от воздаваемых ему почестей, стыдливо отдавая благословение на исход души настоятельнице или сокрушаясь в собственной немощи, когда не может вылечить больного. Именно любимой он исповедует свои чувства: «Если бы был во мне свет, я исцелил бы его» (Водолазкин 2021: 220). Молчаливая Устина является для него опорой и вершиной, к которой он стремится.

Принятие решения о паломничестве в Иерусалим вместе с Амброджо продиктовано желанием вознести молитвы о ней и сыне из самого сердца Святой Земли: «Если дано моим словам долететь до Неба, то произойдет это именно там. А все мои слова — о тебе» (Водолазкин 2021: 248). Внешне перед нами давно уже Божий человек, а внутренне — навеки раненный потерей влюбленный.

Все испытания в путешествии вновь пропущены через беседы с Устиной. Арсений излагает ей дополнительные причины своего отплытия (тяготящее его внимание людей), делится с ней эсхатологическими изысканиями Амброджо, сравнивает себя с Александром Македонским, не знающим, куда ведет его дорога жизни, фиксирует малейшие послабления в собственной аскезе, богословски оценивает католическую службу в венском соборе. Трогательное обращение «любовь моя», которое было привычным еще при жизни Устины, звучит в устах мужающего героя все так же нежно и молодо.

В романе мы дважды становимся свидетелями его молитвы за Устину — в храме Симеона Богоприимца города Зары и у Гроба Господня. Молитва Арсения проста и горяча. Она сочетает богослужебные слова с краткой просьбой об участии единственной. В молитве этой есть и духовная дерзость, и доверие к Богу. Недаром, когда ему грозит казнь от хорватского населения города Зары, он говорит Устине о неслучайности предстоящего конца: «Мне жаль, любовь моя, что я успел так мало, но твердо верю, что, если Всеблагий меня сейчас забирает, все не сделанное нами сделает Он. Без этой веры не было бы смысла в существовании — ни твоим, ни моим» (Водолазкин 2021: 325). Любовь земная все больше переплетается с упованием на Христа и верой в Его волю.

Это соединение начинает менять метафизику мира. Так, когда Арсению удастся спасти паломника Вильгельма от гнева капитана-язычника, чуть не выкинувшего оппонента за борт, он делится с Устиной радостными размышлениями: «Смотряка, любовь моя, в этот раз мне удалось опередить время, <...>, а это показывает, что оно не всевластно» (Водолазкин 2021: 330).

Время его любви и его пути к любимой, таким образом, тоже может измениться и сократиться, оно тоже движется ввысь по некой духовной спирали. На это надеется душа героя. Молитва у Гроба Господня изложена в романе ретроспективно, после возвращения Арсения в Псков. Он просит Бога об Устине «не по праву мужа ее», а «по праву ее убийцы» (Водолазкин 2021: 362) и молит послать ему знак, верно ли идет он по своей дороге, проживая собственную жизнь как жизнь любимой. Таким знаком становится вразумление безвестного старца, оказавшегося рядом с Гробом. Тот советует Арсению не увлекаться «горизонтальным движением паче меры», не задавать тех вопросов, которые можно было бы задать и из Кириллова монастыря, но увлечься «движением вертикальным» (Водолазкин 2021: 364).

Последняя «Книга покоя» по сути и является этим движением вверх, к Богу и возлюбленной. Вернувшись в Псков, Арсений вновь начинает лечить людей от мора и ощущает, будто попал в прошлое: «не возвращаюсь ли я сам к некой исходной точке?» — спрашивает он Устину. — «Если так, то не встречу ли я на этом пути тебя?» (Водолазкин 2021: 359). Путь к Богу для Арсения идет все-таки через стремление к единственной, через искупление своей и ее вины. Победа над плотью в период колоссального напряжения во время врачевания в Пскове, уход в Кириллов монастырь, пострижение в монахи под именем Амвросия — все это не только во Имя Божие, но и во имя их с Устиной любви.

Свою монашескую жизнь он описывает Устине как некий богослужебный круг, подобный вечности. И здесь его вновь поправляет более опытный наставник, старец Иннокентий, развивающий перед ним идею времени-спирали: «Помни, Амвросие, что повторения даны для преодоления времени и нашего спасения». И монах Амвросий вновь спрашивает не о своей судьбе, не о встрече с Христом, а о ней:

«Ты хочешь сказать, что я снова встречу Устину?»

«Я хочу сказать, что непоправимых вещей нет» (Водолазкин 2021: 377).

Через молитву о любимой именно в монастыре он приобретает еще один дар — дар слез, которыми сначала оплакивает Устину и сына, а затем уже слезно благодарит Бога за Его милосердие. Следующий шаг Амвросия — принятие схимы и уход из монастыря для уединенной молитвы в пещере. Превратившийся в старца Арсений все так же юн в общении с Устиной: «Я же продолжаю жить тобой и вижу тебя, оставшуюся неизменной, но ты, любовь моя, меня бы уже не узнала» (Водолазкин 2021: 403). Новая степень аскезы в пещере (холод и голод) вновь разделены не только с Богом, но и с ней.

Но главным итогом жизни Лавра становится спасение сироты Анастасии и ее младенца от смерти. Арсений проходит несколько ступеней: клевету, поругание, одиночество. В довершение всего он ощущает, что сила целителя ушла от него. Он не жалуется, но делится с Устиной своими бедами о неверии ему людей. Связь

с людьми разорвана, но с любимой она стала еще прочнее. Теряющий силы Лавр принимает роды у Анастасии: «Анастасии?» (Водолазкин 2021: 434) — словно спрашивает он себя. Время совершило спиральный виток, и страдающей роженице он отвечает так, как ответил бы Устине: «Я здесь, любовь моя <...> И мы вместе» (Водолазкин 2021: 434).

Космически описано рождение нового человека: «Она кричит. С ней кричит весь лес.

Потерпи немного, любовь моя. Совсем немного» (Водолазкин 2021: 434). Фраза «потерпи немного, любовь моя» — точное повторение той, что была сказана Арсением Устине в ответ на ее просьбу жениться на ней. Сказана, но не осуществлена. На новом витке времени и любви происходит духовное искупление прежнего греха. Потрясающе описан момент рождения нового человека, соединяющий и разъединяющий два отрезка во времени. Омытого младенчика старец показывает матери: «Вот он, любовь моя» (Водолазкин 2021: 434-435).

Это последние слова Лавра не столько к роженице, сколько к Устине. Величественную сцену суждено увидеть очнувшейся Анастасии — живого младенца на руках мертвого старца. Вот как комментирует это А.А. Шайкин: «Финал романа свидетельствует, что Лавр достиг своей цели: он добился (вымолил) прощение для Устины и для себя. В Анастасии, согласно символике ее имени, как бы воскресает Устина, и Лавр отходит в иной мир с ребенком в руках, заменившим его сыночка, погибшего в утробе Устины» (Шайкин 2021: 150).

Дальнейшее прославление Лавра и исполнение его воли бросить его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам — это уже акт божественной благодати и человеческого величия. «Руки на груди Лавра вздрагивают и распахиваются, словно в объятиях» (Водолазкин 2021: 440). Читатель не сомневается, что герой идет с распахнутыми объятиями не только навстречу к Богу, но и навстречу к любимой и сыну, ради которых и за которых он прожил свою полную лишений жизнь. В своих статьях А.П. Котова убедительно показывает, как трансформируется образ святого и юродивого в романе Водолазкина (Котова 2017, 2019). Исследовательница справедливо связывает это с линией Устины. Но именно эта линия так или иначе ведет героя к святости, к духовному небу, к Богу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, роман Водолазкина «Лавр» сочетает в себе несколько стержневых тем, идущих от жанра житийной литературы, но тема бессмертной любви, безусловно, является в нем определяющей. Ее можно назвать нравственным камертоном произведения. Победа над плотью, над грехом, над самим собой и над временем — все это сделано во имя земной любви, которая, пройдя вместе с героем через все испытания, стала любовью небесной. Неслучайно книга посвящена жене автора Татьяне. Система повторов в тексте романа (сюжетных, словесных, образных) сопровождается уплотнением, расширением смыслового поля любовной темы. Мы назвали этот феномен спиральными смысловыми усилениями.

В современном литературном пространстве Евгений Водолазкин воспринимается как певец верности, певец любви. Эта тема будет продолжена писателем и в «Авиаторе», и в «Брисбене», и в личной жизни самого автора, которая является комментарием к его произведениям. Арсений и Устина, Иннокентий и Анастасия, Глеб и Катя — эти пары шагнули в XXI век рядом с безлюбными пелевинскими чудовищами и бесстыдным адюльтером сюжетов Улицкой. Именно героям Водолазкина удалось обогатить и возвысить русское художественное сознание наших дней, а интуитивная техника спиральных смысловых повторов и уплотнений, проявившаяся в романе на всех уровнях, еще ждет своего исследователя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВОДОЛАЗКИН, Е.Г. (2021). *Лавр*: роман. Москва: АСТ.
- ВОРОБЬЕВА, П.Е. (2020). Путь становления мудреца в романе Е. Водолазкина «Лавр». *Студенческая наука и XXI век*. Т. 17. № 1-2 (19). С. 59-61.
- ГЕРАСИМОВА, Л.Е. (2016). «Роман-житие» Е. Водолазкина «Лавр». *Межрегиональные Пименовские чтения*. Т. 13. № 13. С. 152-157.
- ЖУЛЬКОВА, К.А. (2018). Категория времени в романах Е.Г. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор». (Обзор). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный информационно-аналитический журнал*. № 3. С. 191-199.
- КОТОВА, А.П. (2017). Образ юродивого в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»: литературная традиция и трансформация. *Культурные коды русской литературы. материалы Всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию филологического факультета Башкирского государственного университета*. С. 229-238.
- КОТОВА, А.П. (2019). Образ святого в романе Е. Водолазкина «Лавр». *Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. Ответственный редактор А.В. Курочкина*. Уфа, С. 94-99.
- ЛОГУТЕНКОВА, О.Н. (2021). Идеино-художественные особенности воплощения образа праведника в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Cuadernos de Rusística Española*, № 17. С. 237-248.
- НУРГАЛЕЕВА, Д.В. (2017). Хронотоп «схимнических» глав в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. № 2 (12). С. 91-94.
- ШАЙКИН, А.А. (2020). Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Водолазкина (часть первая). *Словесность и история*. № 4. С. 98-148.
- ШАЙКИН, А.А. (2021). Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Водолазкина (часть вторая). *Словесность и история*. № 1. С. 119-157.

BIBLIOGRAPHY

- GERASIMOVA, L. Ye. (2016). «Roman-zhitiye» Ye. Vodolazkina «Lavr». *Mezhregional'nyye Pimenovskiyе chteniya. T. 13. № 13.* S. 152-157.
- KOTOVA, A.P. (2017). Obraz yurodivogo v romane Ye.G. Vodolazkina «Lavr»: literaturnaya traditsiya i transformatsiya. *Kul'turnyye kody russkoy literatury. materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) ochno-zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu filologicheskogo fakul'teta Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta.* S. 229-238.
- KOTOVA, A.P. (2019). Obraz svyatogo v romane Ye. Vodolazkina «Lavr». *Sovremennyye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh: traditsii i novatorstvo. Mezhvuzovskiy sbornik. Otvetsvennyy redaktor A.V. Kurochkina.* Ufa, S. 94-99.
- LOGUTENKOVA, O.N. (2021). Ideyno-khudozhestvennyye osobennosti voploshcheniya obraza pravednika v povesti L.N. Tolstogo «Otets Sergiy» i romane Ye.G. Vodolazkina «Lavr». *Cuadernos de Rusística Española, № 17.* S. 237-248.
- NURGALEYEVA, D.V. (2017). Khronotop «skhimmicheskikh» glav v romane Ye.G. Vodolazkina «Lavr». *Traditsionnyye natsional'no-kul'turnyye i dukhovnyye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii. № 2 (12).* S. 91-94.
- SHAYKIN, A.A. (2020). Zhitiynnyy geroy v romannom povestvovanii: «Lavr» Yevgeniya Vodolazkina (chast' pervaya). *Slovesnost' i istoriya. № 4.* S. 98-148.
- SHAYKIN, A.A. (2021). Zhitiynnyy geroy v romannom povestvovanii: «Lavr» Yevgeniya Vodolazkina (chast' vtoraya). *Slovesnost' i istoriya. № 1.* S. 119-157.
- VODOLAZKIN, Ye.G. (2021). Lavr. Moskva: AST.
- VOROB'YEVA, P.Ye. (2020). Put' stanovleniya mudretsa v romane Ye. Vodolazkina «Lavr». *Studencheskaya nauka i XXI vek. T. 17. № 1-2 (19).* S. 59-61.
- ZHULKOVA, K.A. (2018). Kategoriya vremeni v romanakh Ye.G. Vodolazkina «Lavr» i «Aviator». (Obzor). *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedeniye. Referativnyy informatsionno-analiticheskiy zhurnal. № 3.* S. 191-199.